

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-122-130>**Понятие социальной памяти как предпосылка ее обоснования
в качестве объекта уголовно-правовой охраны****А.В. Мартиросян¹**✉

¹Саратовская государственная юридическая академия
ул. им. Чернышевского Н.Г., 104/3, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉e-mail: emely_02_02@mail.ru

Резюме

Актуальность. Принятие государством решительных мер по возрождению и укреплению фундаментальных духовно-нравственных ценностей выступает важнейшим вектором деятельности, способным упрочить общероссийскую гражданскую идентичность, сохранить суверенитет государства, обеспечить крепкую межпоколенную связь народа. Значимое место в системе таких ценностей занимает социальная память. Она служит инструментом, при помощи которого происходит усвоение духовного наследия, культурно-исторического опыта и, как следствие, идентификация общества. В последние годы социальная память находится в зоне пристального внимания законодателя. Не является в этом плане исключением и уголовный закон, в котором содержится целая серия уголовно-правовых норм, обеспечивающих ее охрану от общественно опасных посягательств. Вместе с тем оценить достаточность и эффективность соответствующих запретов представляется возможным только после разработки положений, обосновывающих социальную память в качестве объекта уголовно-правовой охраны, что, в свою очередь, обуславливает необходимость определения понятия данного феномена.

Цель исследования состоит в определении сущности социальной памяти и формулировании научно обоснованной дефиниции данного понятия.

Задачи: выявить и систематизировать научные подходы к пониманию социальной памяти; установить и раскрыть существенные признаки, образующие содержание понятия социальной памяти; сформулировать определение данного понятия.

Методология. При написании работы использовались методы анализа и синтеза, системный подход, культурологический, социологический, аксиологический, исторический и формально-юридический методы познания.

Результаты. В ходе исследования выделены признаки и сформулировано определение понятия социальной памяти.

Вывод. Социальная память является ключевым фактором сохранения общероссийской гражданской идентичности, обеспечения связи поколений и единства нашего народа, утверждения незыблемости России в мировом пространстве. Подобная роль выполняема при условии надлежащего правового обеспечения социальной памяти, что диктует необходимость ее четкого обоснования в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Это, в свою очередь, требует уяснения сущности социальной памяти, определения ее признаков и понятия.

Ключевые слова: социальная память; культурная память; историческая память; уголовно-правовая охрана; объект уголовно-правовой охраны.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Мартиросян А.В. Понятие социальной памяти как предпосылка ее обоснования в качестве объекта уголовно-правовой охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 122–130. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-122-130>.

Поступила в редакцию 06.12.2024

Принята к публикации 13.01.2025

Опубликована 26.02.2025

The concept of social memory as a prerequisite for its justification as an object of criminal law protection

Anastasia V. Martirosyan¹✉

¹Saratov State Law Academy
104/3, Str. im. Chernyshevskogo N.G., Saratov 410056, Russian Federation

✉e-mail: emely_02_02@mail.ru

Abstract

Relevance. The adoption by the state of decisive measures to revive and strengthen fundamental spiritual and moral values is the most important vector of activity capable of strengthening the all-Russian civil identity, preserving the sovereignty of the state, and ensuring a strong intergenerational bond of the people. Social memory occupies a significant place in the system of such values. It serves as a tool through which the assimilation of spiritual heritage, cultural and historical experience and, as a result, the identification of society takes place. In recent years, social memory has been in the area of close attention of the researcher. In this regard, the criminal law is no exception, which contains a whole series of criminal law norms that ensure its protection from socially dangerous encroachments. At the same time, it is possible to assess the sufficiency and effectiveness of the relevant prohibitions only after the development of provisions justifying social memory as an object of criminal law protection, which, in turn, necessitates the definition of the concept of this phenomenon.

The purpose of the study is to determine the essence of social memory and formulate a scientifically based definition of this concept.

Objektives: to identify and systematize scientific approaches to understanding social memory; to identify and disclose the essential features that form the content of the concept of social memory; to formulate a definition of this concept.

Methodology. When writing the work, methods of analysis and synthesis, a systematic approach, cultural, sociological, axiological, historical and formal legal methods of cognition were used.

Results. In the course of the study, the signs are highlighted and the definition of the concept of social memory is formulated.

Conclusion. Social memory is a key factor in preserving the all-Russian civic identity, ensuring the connection of generations and the unity of our people, and affirming the inviolability of Russia in the global space. Such a role is feasible under the condition of proper legal provision of social memory, which dictates the need for its clear justification as an object of criminal law protection. This, in turn, requires understanding the essence of social memory, defining its features and concepts.

Keywords: social memory; cultural memory; historical memory; criminal law protection; object of criminal law protection.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Martirosyan A.V. The concept of social memory as a prerequisite for its justification as an object of criminal law protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(1):122–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-122-130>.

Received 06.12.2024

Accepted 13.01.2025

Published 26.02.2025

Введение

М. Хайдеггер верно писал: «Трудно заметить то, об отсутствии чего даже не помышляешь; о вещах вспоминаешь, только когда они исчезают либо выходят из строя: нечто должно сначала утратить

свою привычную “данность”, чтобы начались исследования его сущности, происхождения, полезности и роли» [1, с. 177]. Воцарившаяся во всем мире так называемая эпоха постмодерна, период перехода к которой пришелся на 70-80-е годы XX столетия [2, с. 7], ознаменова-

лась наступлением грандиозного духовного кризиса западной цивилизации, который поощряет деструктивное поведение, приводит к формированию условий для саморазрушения общества, подрывает политическую стабильность и основы государственности, причем не только в странах Запада, но и в иных государствах. Российская Федерация также испытывает натиск западного нравственного нигилизма, ставящего под угрозу национально-государственную идентичность российского народа. В частности, сокрушительным изменениям может быть подвергнута такая ее непреложная составляющая, как социальная память.

Возможность наступления указанных метаморфоз вполне очевидна, поскольку для наступившей и укоренившейся эры постмодерна характерны «признание онтологической и гносеологической неопределенности социального мира, проблематизация социальной реальности, которая зависит от значений, ей приписываемых, относительность знаний о любом социальном явлении и процессе, признание сконструированности социального мира, а не его данности» [3, с. 47–48]. Таким образом, приходится констатировать, что каждое социально важное знание (уже имеющееся или только формируемое) потенциально может принять совершенно иное значение, нежели это диктуется условиями объективной реальности. Более того, такое искусственное преобразование и манипуляции массовым сознанием уже имеют место в действительности, «заинтересованные силы проводят целенаправленную политику по разрушению социальной памяти» [4, с. 238], непосредственным доказательством чему служат, например, учебники истории, изъятые из школ с территорий, освобожденных в ходе специальной военной операции на Украине. По информации председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по просвещению О.М. Казаковой, в таких учебниках «абсолютно точно присутствует пропаганда

ненависти к русскому народу, к России», деятельность Степана Бандеры преподносится как героическая, а информация о том, что он присягал Гитлеру, замалчивается¹.

В России осознание важности охраны социальной памяти сформировалось на самом высоком государственном уровне. Так, Конституция РФ устанавливает, что каждый человек и гражданин Российской Федерации «имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям», а к числу конституционно значимых обязанностей личности отнесена обязанность «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» (ч. 2, 3 ст. 44). В 2020 г. Основной Закон государства был дополнен ст. 67¹, закрепившей положения о том, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передававших нам идеалы и веру в бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство», «читит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды, умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) одним из стратегических национальных приоритетов, определяющих дальнейшее развитие России, признает «защиту исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории; сохранение материального

¹ Найденные в украинских школах учебники учат ненавидеть Россию // Российская газета. 2022. 30 марта. URL: <http://www.google.com/amp/s/rg.ru/anp/2022/03/30/najdennye-v-ukrainskih-shkolah-uchebniki-uchat-nenavidet-rossiiu.html> (дата обращения: 12.11.2024).

и нематериального культурного наследия русского народа».

Более того, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809), также являющиеся документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ, прямо предписывают необходимость сохранения общероссийской гражданской идентичности посредством осмысления социальных, культурных явлений с опорой на традиционные ценности и культурно-исторический накопленный опыт, что будет способствовать эффективному реагированию на новые вызовы, брошенные народу России (п. 8).

Таким образом, исследование социальной памяти как компонента национально-государственной идентичности русского народа и ее уголовно-правовой охраны обусловлено необходимостью низвержения идей, чуждых нашему обществу, укрепления фундамента культурного суверенитета, защиты исторической правды, обеспечения преемственности в развитии государства и общества. По верному замечанию А. Мегилла, «характерной особенностью современной жизни является недостаток стабильности на уровне идентичности, что приводит к проекту конструирования памяти с целью конструирования самой идентичности» [5, с. 146]. Социальная память призвана дать обществу толчок к реидентификации, нивелировать состояние кризисности, остановить пагубные процессы отрицания, отторжения и переделки ценностей, традиционно присущих нашему государству. Первоначально решения обозначенных задач является определение сущности социальной памяти.

Методология

Методология исследования состоит в использовании в процессе его проведения диалектического метода – при выяв-

лении связей между общетеоретическими представлениями о сущности и проявлениях социальной памяти и правовыми аспектами, касающимися ее регулирования и охраны; системного метода – при сборе и обработке философской, социологической, культурологической научной литературы, посвященной изучению социальной памяти, а также при фиксации выявленных закономерных связей между разнородными элементами с целью определения места исследуемого объекта (социальной памяти) в указанной совокупности и разработки собственной позиции по данному вопросу; методов анализа и синтеза, индукции и дедукции – при выявлении и обосновании сущностных свойств социальной памяти, а также обобщении выделенных характерных черт и формулировании ее дефиниции; культурологического, социологического, аксиологического и исторического методов познания – при рассмотрении отдельных правовых элементов сквозь призму общественных явлений, происходящих на конкретном этапе развития государства, определении степени их влияния на социокультурные процессы, установлении их места в системе ценностных ориентиров общества; формально-юридического метода – при обращении к нормативно-правовым актам, содержание которых тем или иным образом коррелирует с темой работы, установлении значения юридических понятий.

Результаты и их обсуждение

Рассуждения о социальной, духовной составляющей памяти начались со времен жизнедеятельности великого философа античности Аристотеля [6], нашли свой отклик в литературном творчестве Вольтера [7] и продолжают активно развиваться в современности. Комплексный анализ литературных источников позволил выделить три основных подхода к определению сущности социальной памяти. В рамках первого из них социальная память понимается как архив данных, состоящий из «массовых пред-

ставлений о прошлом» [8, с. 195], т. е. как некое статичное хранилище отпечатавшейся в сознании человека социально важной информации [9, с. 19]. Представители второго подхода воспринимают ее как деятельность субъекта, т. е. целенаправленный процесс по увековечиванию ценностей, присущих той или иной эпохе¹, обращение к результатам которого обеспечивает прикосновенность познающего индивида или коллектива к опыту предшественников [10, с. 342]. Такая деятельность направлена на «реконструкцию и актуализацию прошлого» [11, с. 6], поскольку «благополучие всякой культуры зависит от ее способности актами памяти привносить свое прошлое в настоящее» [12, с. 30]. Третий подход к определению сущности социальной памяти объединяет две предыдущие позиции: она понимается и как хранилище информации, и как деятельность [13, с. 69], ее образуют и эпизоды былого, и насущные перемены, требующие от человека уяснения имеющихся смыслов и создания новых [14, с. 19–21].

Последний указанный подход представляется наиболее состоятельным, поскольку в полном объеме отвечает назначению социальной памяти, заключающемуся в сборе, архивации и сохранении уникального и общественно значимого социального опыта вместе с его запечатлением и дальнейшей межпоколенной трансляцией. Данная теория, вне всякого сомнения, проливает свет на сущность социальной памяти как философской, социологической и культурологической категории. Однако не менее очевидно и то, что сформированный представителями мировоззренческих наук массив знаний недостаточен для наук, разрешающих «земные» проблемы, в частности для

науки уголовного права. Изложенное ставит перед нами задачу выработки определения понятия социальной памяти, которое будет пригодно для ее понимания в качестве объекта уголовно-правовой охраны и создания с учетом такого понимания эффективной системы норм, обеспечивающих ее сохранность от общественно опасных посягательств.

Подобная дефиниция может быть сформулирована только на основе выделения и анализа *существенных признаков, образующих содержание понятия социальной памяти*.

Возникновение памяти социально обусловлено. Появление и непрерывное, продолжающееся по сей день развитие социальной памяти диктуется нуждами общества. Как говорил А. Леруа-Гуран, «начиная с homo sapiens формирование социальной памяти оказывается главной проблемой человеческой эволюции» [15, с. 133]. Среди прочих главенствующей потребностью, удовлетворяемой социальной памятью, видится обустройство такой жизнедеятельности, которая оправдывала бы дальнейшее существование и поддерживала самоидентичность общности.

Память являет собой «отпечатки происходящего», выраженные в виде социально значимого знания. Категория «происходящее» употреблена не случайно: объемность памяти складывается из представлений о совершаемом социально значимом явлении в настоящем, после получения которого происходит неминуемое его присоединение к картине прошлого (уже имеющимся представлениям о совершенных событиях), что обеспечивает неразрывное и последовательное протекание человеческого бытия. Иными словами, восприятие настоящего всегда происходит через призму прошедшего, утверждая тем самым неразрывность и взаимообусловленность двух времен. Так, пандемия коронавируса превратилась в источник вдохновения для многих деятелей искусства, передавших свое от-

¹ Каждый человек – носитель социальной памяти: интервью с док. филос. наук О.Т. Лойко // Nasledie.digital. URL: <https://nasledie.digital/articles/kazhdyj-chelovek-nositel-sotsialnoj-pamyati/> (дата обращения: 12.11.2024).

ношение к связанным с ней событиям посредством фотографии (проект А. Абанина «Вскорбе»), архитектуры (благодарственная работа А. Гариковича, посвященная курьерам, скульптура А. Бикше «Медики – миру»), изобразительного искусства (проект Т. Эмин «Я люблю одиночество»)¹. Созданные произведения, запечатлев живую («в моменте») реакцию творцов на эпидемию, несомненно, стали частью социально значимого знания, которое позволит новым поколениям лучше понять печальный опыт предшественников.

Указанные «отпечатки происходящего» адресованы каждому новому поколению. Прямое предназначение памяти складывается из двух взаимосвязанных элементов. Во-первых, это сохранение и накопление социально значимых явлений, поскольку «если исчезает память, то опустошается сознание как индивидуальное, так и общественное»², во-вторых, это фиксация, воспроизведение и трансляция опыта социальной деятельности, опредмечивание которой ложится на плечи социальных субъектов, связанных с продуктами этого культурного труда [14, с. 593].

Социальная память стремится к достижению двух равнозначных целей:

- обеспечить создание стабильного и, в идеале, процветающего будущего российской цивилизации, которое выстраивалось бы с учетом и ошибок прошлого, и достигнутых высот в деятельности общества в целом и отдельных его представителей;

- обеспечить сохранность, преемственность, наращивание достижений народа России, привить бережное и тре-

петное обращение к конструктам социальной памяти.

Социальная память объективирована. «Отпечатки происходящего» воспроизводятся в материальных свидетельствах или коммеморативных практиках (например, чествования ветеранов Великой Отечественной войны, парад Победы, шествия (Бессмертный полк), массовые торжества в дни государственных праздников, реконструкции событий (сражение «Куликовская битва» в Тульской области) и др.), с помощью которых обеспечивается межпоколенная преемственность. Таким образом, социальные субъекты настоящего познают социально значимый опыт прошлого посредством исследования репродуцированных объектов, а будущие поколения будут воспринимать сохраненный комплекс зафиксированных социально значимых знаний. В данном ключе Я. Ассман в унисон с М. Хальбваксом утверждал: «...прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества» [15, с. 50].

Социальная память носит публичный и всеобщий характер. Публичность подразумевает, что социальная память общепризнана, ее высочайшая значимость в системе традиционных духовно-нравственных ценностей российского государства априори осознается и одобряется населением. Всеобщность заключается в том, что социальная память в большей или меньшей степени пронизывает все без исключения сферы общественной и индивидуальной жизни, ее влияние сказывается на духовном формировании каждой личности.

Социальная память является частью системы. Следует говорить о существовании некой иерархии смыслов, в которой память, с одной стороны, входит в состав целого, выступая «одним из факторов конструирования национальной идентичности» [16, с. 46], с другой – сама, будучи целым, распадается на виды,

¹ Пандемия как источник вдохновения // OilyOili. URL: <https://oilyoil.com/ru/blog/pandemic-as-a-source-of-inspiration> (дата обращения: 13.11.2024).

² Минаков И.П. Социокультурная память как детерминанта духовного формирования личности: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2024. 167 с.

например значимые исторические знания и культурный опыт.

Социальная память многослойна. Ее ступенчато образуют три основных уровня: индивидуальный, групповой (семейный, родовой, национальный, конфессиональный, профессиональный и т. п.) и общечеловеческий. Многослойность иллюстрирует неоднородность памяти, некую возможную дифференциацию в интерпретациях социально значимых событий, а также существование интегративных процессов между личностными смыслами субъекта и смысловым полем общесоциального характера.

Социальная память динамична. Память сохраняет неизменными первоначальные смыслы своего появления, но вместе с тем не является неподвижным монолитом опыта. Так называемый «баланс изменчивости-постоянства» [17, с. 231] в кризисные времена и периоды катаклизмов с помощью сбереженных инструментов памяти (например, образцов поведения, традиций) вместе с механизмом социального наследования обеспечивает защиту человечества от необратимых изменений сознания. В то же время содержание социальной памяти адаптируется под требования общества (благодаря свойству усваивать социальные инновации и приспосабливаться к ним), в котором неизбежно изменяются представления о социально-ценностных ориентирах.

Выделенные и раскрытые нами существенные признаки, составляющие содержание понятия социальной памяти, позволяют сформулировать следующую ее дефиницию. *Социальная память* – это

носящие публичный и всеобщий характер социально обусловленные представления о явлениях действительности, адресованные каждому новому поколению в виде объективированного социально значимого (культурного или исторического) знания с целью обеспечения сохранности и преумножения достижений прошлого, воздействия на формирование будущего, накопление и актуализация которых непрерывно протекают на личностном, групповом и общечеловеческом уровнях.

Выводы

Погружение в исследование сущности социальной памяти способствует не только уяснению ее смысла как общетеоретической категории, но и дальнейшему обоснованию в качестве объекта уголовно-правовой охраны, что представляется важным и логичным шагом в деле упрочнения традиционных ценностей, укрепления национального духа российского народа, сохранения его национальной государственной идентичности.

В условиях разобщенности восприятия социально значимого опыта, воцарившихся на современном этапе, государство признает необходимость обращения к инструментам социальной памяти – духовно-нравственным ориентирам, культурно-историческим ценностям, иным узловым знаниям. Именно они, образуя основу жизнедеятельности общества, позволят сохранить многовековую историю и культурную самобытность нашего народа и в конечном итоге суверенитет Российской Федерации.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Гишинский Я.И. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя, 2017. 279 с.
3. Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек. 2014. № 4. С. 43–48.

4. Ивашевский С.Л. Память о социальном порядке и порядок социальной памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 236–239.
5. Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимошина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
6. Аристотель. О памяти и припоминании / пер. и прим. С.В. Месяц // Космос и душа. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 407–419.
7. Вольтер. Случай с памятью / пер. Е. Гунст // Философские повести. Л.: Худож. лит., 1988. С. 203–205.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческая память: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого: монография. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 170–221.
9. Васильев А. Теория социальной памяти Аби Варбурга. Между философией культуры и историей искусства // Искусствознание. 2009. № 1-2. С. 16–39.
10. Гири П. Память // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 342–348.
11. Шуб М.Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 4–11.
12. Ассман А. Трансформации нового режима времени / пер. с англ. В. Кучерявкина; под ред. А. Скидана // Новое литературное обозрение. 2012. № 4. С. 16–31.
13. Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства. Критика и время: литературно-критический сборник. Л.: Лениздат, 1984. С. 68–74.
14. Нора П. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 333 с.
15. Ле Гофф Ж. История и память / пер. с фр. К.З. Акопяна. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. 303 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений (1835-1844). М.: Политиздат, 1956. 690 с.
17. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
18. Гопоненко Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Дискурс-Пи. 2020. № 3. С. 40–53.
19. Логунова Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 1. С. 227–253.

References

1. Bauman Z. An individualized society. Moscow: Logos; 2005. 390 p. (In Russ.)
2. Gilinskii Ya.I. Deviance in postmodern society. St. Petersburg: Aleteiya; 2017. 279 p. (In Russ.)
3. Chestnov I.L. Postmodernism as a challenge to jurisprudence. *Obshchestvo i chelovek = Society and Man*. 2014;(4):43–48. (In Russ.)
4. Ivashevskii S.L. Memory of the social order and the order of social memory. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):236–239. (In Russ.)
5. Megill A. Historical epistemology. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya»; 2007. 480 p. (In Russ.)

6. Aristotel'. Aristotle. About memory and recollection. In: *Cosmos and soul*. Moscow: Progress-Traditsiya; 2005. P. 407–419. (In Russ.)
7. Vol'ter. The case of memory. In: *Philosophical stories*. Leningrad: Khudozh. lit., 1988. P. 203–205. (In Russ.)
8. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Historical memory: on the question of the boundaries of the concept. In: *Phenomenon of the past*. Moscow: Izd. dom GU VSHE; 2005. P. 170–221. (In Russ.)
9. Vasil'ev A. Abi Warburg's theory of social memory. Between the philosophy of culture and the history of art. *Iskusstvoznanie = Art Studies*. 2009;(1-2):16–39. (In Russ.)
10. Giri P. Memory. In: Gurevich A.Ya. (ed.) *Dictionary of medieval culture*. Moscow: ROSSPEN; 2003. P. 342–348. (In Russ.)
11. Shub M.L. Social, collective and cultural memory: a new approach to defining semantic boundaries of concepts. *Observatoriya kul'tury = Observatory of Culture*. 2017;14(1):4–11. (In Russ.)
12. Assman A. Transformations of the new regime of time. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. 2012;(4):16–31. (In Russ.)
13. Likhachev D.S. The art of memory and the memory of art. In: *Kritika i vremya: literaturno-kriticheskij sbornik = Criticism and Time: a literary and critical collection*. Leningrad: Lenizdat; 1984. P. 68–74. (In Russ.)
14. Nora P. France-memory. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; 1999. 333 p. (In Russ.)
15. Le Goff Zh. History and memory. Moscow: Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN); 2013. 303 p. (In Russ.)
16. Marks K., Engel's F. From early works (1835–1844). Moscow: Politizdat; 1956. 690 p. (In Russ.)
17. Assman Ya. Cultural memory: Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 368 p. (In Russ.)
18. Goponenko L.B. Constructing national identity in the context of memory politics. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*. 2020;(3):40–53. (In Russ.)
19. Logunova L.Yu. Historical and social memory: paradoxes and meanings. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2019;11(1):227–253. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Мартirosян Анастасия Вадимовна, аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: emely_02_02@mail.ru,
ORCID: 0009-0006-6412-002X

Anastasia V. Martirosyan, Post-Graduate Student of the Department of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation,
e-mail: emely_02_02@mail.ru,
ORCID: 0009-0006-6412-002X